

Степь... Древняя, как скорбь народная, и широкая, как душа удалого батыра. Ветер пенил ковыльные гребни холмов, целовал сухие бронзовые скульпы плоскогорий. Акыны слагали свои песни, и одно сердце передавало их другому. Около юрт бедняков, возле очагов нужды люди мечтали о иной жизни. Слагались нехитрые, но пронизанные душевным теплом сказания о какой-то неведомой земле, где всех обездоленных ждет счастье. Память отбирала лучшие песни, лучшие сказы. Рождались предания. Бережно хранил их народ и завещал от поколения к поколению как сокровище, святое и бесценное. Шли годы. Кочевые тропы становились длиннее и жестче. А бедность оставалась бедностью. Не высыхали глаза матерей, но не гасла надежда. И пастух, охранявший байские стада, думал об аргамеке, о крылатом тулпаре, который рано или поздно, но непременно доскачет до вечно зеленых пастбищ, не принадлежащих одному, а равно поделенных между всеми, кто трудится, кто согревает руками своими пусть неприютную, но родную землю.

Колыбель мечты раскачивалась ветрами столетий. Горькими, невозвратимыми были потери. Но духовные богатства оставались неисчерпаемыми...

Капан БАДЫРОВ,
народный артист
Каз ССР

И вот наступило утро, грозное, но и сияющее утро. В степи шла молва, что оно началось на берегах северной реки. Нева... Это слово символом сбывшейся надежды переносилось от аула к аулу, от кочевья к кочевью, от очага к очагу и животворным теплом западало в сердце каждого. Народ расправил плечи, и... свершилось чудо. Казахская степь в один голос пропела ликующий гимн пробуждения. И это все уже на моей памяти. И это обернулось для меня судьбой, не скажу легкой, но от этого не менее счастливой. Для меня, для многих таких, как я.

Я сказал: свершилось чудо. И сейчас, через десятилетия, повторяю, да, это чудо! Вчерашние пастухи, дети батраков стали студентами. Вместе с ними и я переступил порог Оренбургского института народного образования. Институт... Добрая, незабываемая школа, через широкие окна которой мы увидели мир. И не просто увидели, мы приобщились к его жизни. Прочтя первый букварь, по слогам перчитывали Абая и вместе с ним, через него узнавали о давней дружбе, сердечной и душевной, со своим русским соседом. Мы открыли, что одна из лучших песен, которую пели казахские девушки, написана великим русским акыном. Тепло и отчетливо стали мы произносить имена Пушкина, Лермонтова, Достоевского.

Когда у человека не связаны крылья, он может взлететь к солнцу. Из института уходили

учителя аульных школ. Они учили и учились сами. Чувства, мысли, взбудораженные веяниями новых начал, искали самовыражения. Так родился студенческий, любительский театр. Кажется, все это было вчера. Солнечное, удивительное время!

Мы поставили пьесу Сагена Сейфуллина «Бахит жолында». Символическое название. В переводе на русский оно означает «Счастливым путем». На самом деле — весь народ от мала до велика отправился в путь. Рушились вековые устои. Менялись понятия. Уцелевший феодал боялся, как огня, встречи с маленькой, хрупкой девушкой — учительницей. Дочь его батрака. И это тоже напоминало чудо. Женщины вступали в пререкания с мужчинами. Ислам уходил в потемки прошлого. И это тоже казалось чудом. Живые потоки проникали в недра родовых отношений. Будили мысли, и удержать творческой воли народа уже никакая черная сила не могла.

В стенах Оренбургского института я впервые встретился с Елеубаем Умурзаковым. Вместе с ним мы вступили на самодельную сцену. Нашей первой аудиторией были люди, из среды которых мы только вчера вышли сами. Игровой площадкой служила редная земля. Но нас принимали горячо, благодарно. Наверное, в эти дни и определилось мое будущее.

Потом столицей Казахстана стала Кызыл-Орда. Здесь Наркомпросом был организован первый казахский национальный театр. Естественно, что участники самодеятельных спектаклей образовали ядро молодой труппы. Официальное рождение театра, его, так сказать, юридическое признание относится к 13 января 1926 года. А через три года

Процесс творческого роста сложен. Не сразу все удавалось. Мы жили вечным поиском. Ведь никакой, по существу, базой театр не располагал. База была одна — наш неукротимый энтузиазм.

Е. Умурзаков, А. Абдуллин, С. Байгужин, Ж. Оспанов и другие, нынешние ветераны, тогда горели огнем молодости. Я не хочу сказать, что сейчас они стали стариками. Сужу по себе — молодость отнюдь понятие не возрастное. Пока томит жажда творчества — ар-

ТИСТ МОЛОД.

Первой своей работой на профессиональной сцене, замеченной и признанной общественностью столицы, я считаю роль капитана Игоря Оленина в пьесе Тригера «Подводная лодка». Она шла в постановке режиссера Якова Павловича Тангеса. Мне запомнился образ сыгранного мною в драме Киршона «Хлеб» секретаря обкома Михайлова.

Но главным событием в творческой жизни тех лет я считаю встречу театра с революционной, романтической пьесой Мухтара Ауэзова «Тунги саран» («Ночные рассказы»). В этом спектакле я играл одну из ведущих ролей, роль учителя Сафара. Спектакль принес нам большую удачу. Значение его в становлении нашего театра непреходяще.

Всем нам, «аксакалам» театра имени Ауэзова, памятен год, когда театр был назван академическим. Мы восприняли это как признание его заслуг в развитии национальной культуры. Это вдохновляло и обязывало. Теперь на неопытность никакие ссылки не принимались. Мы встали в полный рост.

Вска темноты... И вот за какое-то десятилетие с подмостков самодеятельного театра на широкую академическую сцену! И в этом тоже было великое чудо. Нет, чуда ни раньше, ни теперь не было — была Революция. И были простые, как мудрость, слова, обращенные к самой жизни: «Учиться, учиться, учиться». И мы учились.

Бурный расцвет национальных культур, их братские взаимосвязи и взаимообогащение — вот тот источник с его живой водой, неиссякаемый и

благодатный, благодаря которому вчерашний пастух становится ученым, рудокоп — драматургом, а безграмотный постигал тайны слова и сам пишет произведения, исполненные безграничной верой в грядущее.

Действительность нашей жизни исключает понятие старость. Мы идем под знаменами вечной молодости, под знаменами Революции.

Участие в пьесах русского репертуара обогащало наши представления о большой сценической культуре.

Шекспир, Шиллер, Островский, Горький, Б. Тренев, В. Иванов, В. Вишневский. Учителя, наставники, друзья и братья. А работа с таким выдающимся режиссером, как Григорий Александрович Толстоногов! Он ставил у нас пьесу Чиркова «Победители». Разве минувшие эти культурные явления, можно себе представить столь стремительный взлет нашей национальной драматургической мысли. Плеско к плеску, сердце к сердцу росли мы, сплоченные бессмертными ленинскими идеями. Не громко, не парадно звучат эти слова. Они, подобно дыханию, органично неотделимы от жизни советского общества. Мне их диктует память и сердце, переполненное благодарностью.

В конце прошлого года Казахский академический театр имени Ауазова представлял национальное искусство на сцене Кремлевского театра. Спектакль «Материнское поле» выдвинут на соискание Ленинской премии.

И я думаю, этого волнующего, радостного события могло бы и не быть, если бы рядом с нами не работали прославленные мастера советской сцены: драматурги, режиссеры, художники.

Творчество М. Ауэзова, Г. Мусрепова, С. Муканова, А. Тажибаева и других казахских драматургов, совершенствовалось на лучших образцах русских драматургических произведений.

Всесоюзная аудитория знает имена казахских артистов. Хадиса Букеева — народная артистка СССР, Фарида Шарипова и другие таланты — сме-на наша и гордость. Как бы ни хотел, не назовешь всех. Но спектакль «Материнское поле» — явление не частное и не случайное. В том, что он есть, — заслуга общая, коллективная. И коллектив этот не ограничивается стенами театра. Он гораздо больше. Строить только обратиться к памяти. Он огромен, как огромна и его языкательная аудитория. Светлый зал, в котором она вмещается, — это наша советская земля.